

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утадзима — островок небольшой и по населению, и по размерам. В окружности едва достигает одного ри, а живет на нем около тысячи четырехсот человек.

На острове есть два красивых места.

Первое — храм Хатидай на северо-западе самой высокой горы острова, с величественным видом на бухту Исэ.

На севере лежит полуостров Тита, а на северо-востоке — полуостров Ацуми. На западе, со стороны рисовых наделов на склонах горы Удзи, виднеется городок Ёккайти.

Если подняться по каменной лестнице до ворот, охраняемых заморскими каменными львами, то примерно на двухсотой ступени, как в стародавние времена, перед нашим взором предстанет бухта Исэ. Раньше символами ворот были две сосны на

подходе к храму. Они так и назывались — сосны тории. Их ветви живописно обрамляли морской пейзаж, но несколько лет назад деревья высохли.

Когда сосновые ветви покрываются новой хвоей, весенняя морская трава окрашивает прибрежные воды в красновато-коричневый цвет. В это время года с северо-запада непрерывно дует муссон, поэтому здесь довольно прохладно, чтобы любоваться красотами.

В храме Хатидай поклоняются богу Ватацуми. Рыбаки издревле верили в бога морей. Они приносят в храм дары и молятся, чтобы море было спокойным, а корабли — невредимыми.

В храме хранится шестьдесят шесть медных зеркал, среди которых — зеркало восьмого века. В Японии сохранилось всего шестнадцать зеркал эпохи Рикютё. На обратной стороне выгравированы лесные звери — бурундуки и олени. Предание гласит, что в древности звери пришли на Японские острова из лесов Персии, преодолев континенты и моря.

Еще одно красивое место на острове — маяк недалеко от вершины Восточной горы.

Внизу под обрывом, в узком проливе Ирако, соединяющем Тихий океан с бухтой Исэ, непрестанно шумит морское течение. В ветреную погоду волны пролива грохочут бурно, неистово. Через пролив тянется полуостров Ацуми. На его пустынном каменистом побережье, на мысе Ирадзаки, стоит маленький безлюдный маяк.

С этого маяка Тихий океан виден как на ладони. Если кинуть взгляд на северо-восток, через залив Ацуми, особенно в те дни, когда дует сильный западный ветер, можно любоваться, как на рассвете во всем своем великолепии возвышается, затмевая другие горы, Фудзияма.

Когда через пролив Ирако в порты Нагоя и Ёккайти заходят пароходы, смотритель маяка, едва взглянув в подзорную трубу, тотчас распознает названия судов.

Сейчас в объектив его подзорной трубы попало грузовое судно. Два матроса, переминаясь с ноги на ногу, разговаривают друг с другом.

Через некоторое время в порт входит английское судно. В трубу отчетливо видны две

крохотные фигуры, кидаящие на верхней палубе кольца.

Смотритель маяка сидит в сторожке за столом и записывает в вахтенный журнал время прихода и отхода судов, их курс и позывные. Сведения эти он передает телеграммой в порт, грузовладельцам.

После полудня солнце заходит за Восточную гору и маяк погружается в тень. В ясном небе высоко над морем кружит коршун.

Сначала он слегка выгибает одно крыло, как бы ощупывая воздух, затем — другое. Кажется, что он собирался спуститься, но передумал, отпрянул назад и, расправив, словно паруса, крылья, взмыл ввысь.

На закате из деревни вышел молодой рыбак с огромным палтусом в руке. Он торопился на маяк.

Юноше, высокому и стройному, было всего восемнадцать лет, он только в позапрошлом году закончил школу. Мальчишеское лицо, губы обветрены, нос — как у всех жителей острова. Правда, он не был таким смуглым, как сверстники, а карие глаза его были

ясными. К одаренности это не имело никакого отношения, да и в школе он не блистал успехами. Просто он рыбачил, и море высветлило его глаза.

Сегодня он целый день проходил в рыбацкой одежде — в штанах и грубом свитере, доставшихся в наследство от покойного отца.

Юноша прошел через опустевший школьный двор, поднялся по склону горы, где стояло водяное колесо. Каменная лестница вывела его на задворки храма Хатидай. На ветках персиковых деревьев в сумерках белели цветы. До маяка отсюда неспешным шагом — минут десять.

Дорога была крутой. Люди, не привыкшие ходить по ней, спотыкались даже днем, однако юноша мог бы ловко перешагивать через камни и сосновые корневища даже с закрытыми глазами. Вот и сейчас, задумавшись, он ни разу не споткнулся.

Катер «Тайхэй», на котором работал юноша, вернулся в порт Утадзимы только на закате. Каждый день хозяин катера заводил мотор и вместе с юношей и еще одним па-

реньком отправлялся на лов. Сегодня они вернулись в порт, перегрузили улов в кооперативную лодку, потом вытащили катер на берег. По пути домой юноша решил заглянуть на маяк, потому и прихватил для зрителя рыбину. Над побережьем смеркалось, раздавались возгласы рыбаков, которые вытаскивали на берег свои лодки.

К стоявшей на песке массивной деревянной раме соробан прислонилась незнакомая девушка — отдыхала. Когда на берег лебедкой вытащили моторку, на дно лодки стали укладывать снасти, которые нужно было отвозить по частям в Камигату. Девушка отнесла раму, вытерла лоб. Ее щеки пылали. Холодный западный ветер становился порывистым. Девушка подставляла ему покрасневшее лицо. Казалось, она наслаждается ветром, раздувающим ее волосы. На ней был ватник без рукавов, на руках — грязные перчатки, а цвет лица — здоровый, как у других женщин. Ее глаза были ясными и спокойными. Она пристально смотрела на море, над которым в уже черневших облаках медленно угасало солнце.

Юноша напряженно пытался припомнить ее лицо. На Утадзиме все жители знают

друг друга, поэтому чужого человека видно с первого взгляда. Однако по одежде не скажешь, что девушка не из их деревни. Она стояла в стороне, глядя на море, — только этим и выделялась среди других женщин.

Юноша нарочно прошел рядом с девушкой. Он разглядывал незнакомку почти в упор, словно ребенок, нашедший любопытную вещицу. Девушка не удостоила его вниманием — лишь хмуро смотрела на море.

Удовлетворив свое любопытство, юноша быстро пошел дальше. Он поднимался по горной дороге к маяку, а сам по-прежнему думал о незнакомке. Только сейчас его щеки вспыхнули от стыда.

Он постоял среди сосен, окинул задумчивым взглядом море, прислушался, как грохочет внизу прибой. Луна еще не взошла, море темнело. Из суеверия он обошел Ведьмину гору стороной. У местных жителей бытовало поверье, что здесь живет злой дух в облике женщины. Наконец юноша увидел в окнах сторожки яркий свет. В деревне теперь всегда было темно — генератор давно вышел из строя.

Из благодарности он часто приносил рыбу смотрителю маяка. Два года назад он мог провалиться на выпускных экзаменах. Его мать познакомилась с женой смотрителя, когда ходила собирать сосновую хвою вблизи маяка. Она пожаловалась, что едва сводит концы с концами, а тут еще сына могут оставить на второй год. Женщина поговорила с мужем, тот встретился со своим приятелем — директором школы. Парню повезло, и экзамены он сдал.

Юноша окончил школу, подался в рыбаки. Обласканный смотрителем и его женой, он часто приносил им на маяк что-нибудь из улова.

Дом смотрителя был казенным, и при нем имелся небольшой огород. Дальше начиналась выщербленная бетонка, что вела напрямик на маяк. За стеклянной дверью кухоньки двигалась тень хозяйки. Видимо, готовит ужин. Юноша окликнул ее с улицы, и хозяйка открыла дверь.

— А, Синдзи-сан!

Юноша молча протянул рыбу, хозяйка взяла ее и громко сказала:

— Отец, Кубо-сан рыбу принес!

Из дальней комнаты слышался добродушный голос зрителя:

— Спасибо, спасибо! Заходи, Синдикун!

Юноша нерешительно остановился на пороге. Палтус уже лежал на большой эмалированной тарелке. Рыба слабо шевелила жабрами, из которых по белому костистому телу сочилась кровь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующее утро Синдзи снова вышел в море с рыбаками. Небо еще было затянуто белой предрассветной дымкой.

Чтобы добраться до места лова, обычно уходило около часа. На парне был свитер, поверх него — черный резиновый передник; на ногах — резиновые сапоги до колен, на руках — резиновые перчатки. Он стоял на баке и, всматриваясь в Тихий океан под серым утренним небом, вспоминал вчерашний вечер: как возвращался домой с маяка, как укладывался спать.

...Мать и младший брат, дожидаясь его возвращения, сидели у печки в маленькой кухоньке с тусклой лампой под потолком. Младшему брату исполнилось двенадцать. Их отец погиб от пули в последний год войны, и, пока Синдзи не стал рыбаком, мать

одна содержала семью, зарабатывая на жизнь ловлей жемчуга и губки.

— Уцунага-сан обрадовался?

— Да, очень! Приглашал зайти на чашечку какао.

— Что такое какао?

— Что-то вроде супа из красной фасоли.

Мать ничего не понимала в кухне. Она умела приготовить сасими, разные соленья, сварить или поджарить неразделанную рыбину. На тарелке лежал сваренный целиком морской петух, пойманный сыном. На зубах Синдзи скрипел песок — мать плохо промыла рыбу.

Синдзи надеялся, что за ужином мать проговорится о той незнакомке с побережья. Однако мать была не из тех, кто любит жаловаться на жите и слушать сплетни односельчан.

После ужина он повел младшего брата в деревенскую баню, где тоже мог услышать что-нибудь о девушке. Время уже было позднее, и в бане плескалось несколько человек. Вода в офуро была грязной, в помещении эхом отдавались низкие грубые голоса. Начальник почты и бригадир рыболовецкой

артели сидели в офуро и дискутировали о политике. Братья молча кивнули им и пристроились с краю. Сколько ни прислушивался Синдзи к разговору, они ни единым словом не обмолвились о незнакомке. Вскоре младший брат вылез из офуро. Синдзи поплелся за ним, спросив, что за спешка. Брат без обиняков признался, что сегодня стукнул бригадирского сына по голове, когда они сражались на мечах, и тот разревелся.

Синдзи обычно засыпал легко, стоило лишь положить голову на подушку, но этой ночью его что-то грызло, и он несколько раз просыпался. Он никогда в жизни ничем не болел, поэтому подумал: «Не захворал ли?»

На следующее утро его вновь охватило странное беспокойство. Однако за привычной работой, которой Синдзи отдавался всеми силами, он не заметил, как успокоился вновь. Перед ним простиралось бескрайнее море. Работал движок, катер мелко трясло. Резкий утренний ветер хлестал юношу по щекам.

Огни маяка на обрывистом правом берегу уже погасли. В проливе Ирако пенились

волны, ярко-белые брызги долетали до деревьев, окутанных весенним утренним туманом. Катер «Тайхэй» мягко пересекал морской водоворот. За рулем стоял опытный бригадир. Если бы через пролив проходило большое судно, пришлось бы идти узким фарватером между двумя подводными рифами, над которыми всегда бурлят и пенятся волны. В этом месте стоит много ловушек на осьминога. На волнах покачивались поплавки.

На Утадзиме большей частью промышляют осьминога. Путина начинается зимой и заканчивается весной, в неделю весеннего равноденствия. Вода в бухте Исэ холоднеет, осьминог уходит на глубину в Тихий океан. Больше ловить нечего.

С тихоокеанской стороны острова была отмель. Опытные рыбаки знали на ощупь каждый участок морского дна и промышляли там как в собственном огороде.

— Морское дно мутное, а мы как слепые массажисты, — говорили они.

Они выбирали направление по компасу или ориентировались по горам на отдаленном мысе. По расположению лодок опреде-

ляли рельеф морского дна, где стояли сотни ловушек. Вертками их привязывали к поплавкам, и те покачивались на поверхности. И бригадир, и рулевой были опытными рыбаками, поэтому вся тяжесть работы ложилась на их плечи. Синдзи вместе с напарником тоже старался как мог.

От морских ветров лицо бригадира Оямы Дзюкити огрубело. Загар проникал даже в глубокие морщины, в изрезанные руки въелась грязь. Бригадир держался спокойно, смеялся редко, никогда не повышал голоса, если сердился или отдавал распоряжения.

Если во время лова переходили на другое место, Дзюкити заводил мотор обеими руками, весел из воды не вынимал. В открытом море рыбаки иногда подплывали друг к другу перекинуться парой слов. На новом месте Дзюкити убавил скорость и кивнул Синдзи, чтобы тот смотал приводной ремень на валик. Пока катер шел на малой скорости между буюми, оба юноши по очереди вытаскивали лить с ловушками и наматывали его на шкив. Если отяжелевший от во-

ды лить постоянно не перехватывать, он может выскользнуть из рук и уйти под воду, поэтому требовался крепкий напарник. Сквозь облака на горизонте пробивались слабые лучи солнца. Вытянув над водой длинные шеи, плавали бакланы. Все скалы на южной стороне Утадзимы побелели от их помета.

Ветер усилился, похолодало. Синдзи наматывал лить на шкив, глядя в темно-синее море. Казалось, парня переполняла энергия. Шкив продолжал крутиться. Лить был прочным и холодным, от него во все стороны летели ледяные брызги. Вскоре появились ловушки цвета красной глины. Если ловушки оказывались пустыми, его напарник Тацудзи проворно выплескивал из них воду и, почти не касаясь шкива, снова стравливал лить в море.

Синдзи стоял на носу катера и, широко расставив ноги, вытягивал из моря ловушки. Улова не было ни в одной. Юноша напрягался изо всех сил, однако и море не уступало — возвращало пустые ловушки, словно в насмешку.

Они прошли уже метров двести. Синдзи тянул лить, Тацудзи выливал из ловушек во-

ду. Дзюкити оперся о весло и молча наблюдал за работой парней.

Спина у Синдзи стала мокрой. Капельки пота блестели у него на лице, щеки горели. Постепенно солнце стало рассеивать облака.

Не глядя на море, Тацудзи складывал ловушки вверх дном. Когда Дзюкити остановил шкив, Синдзи бросил взгляд на ловушки, впервые за все время. Тацудзи пошарил в одной деревянной палкой, но оттуда ничего не выпало. Он потыкал еще раз. Нехотя, словно спросонья, изнутри выскользнул осьминог и присел, подогнув щупальца. Хлопнула крышка садка рядом с машинным отделением. И первый осьминог шумно обрушился на дно.

Катер «Тайхэй» промышлял осьминогов до полудня. Поймали всего пять штук. Ветер унялся, выглянуло солнце. «Тайхэй» пересек пролив Ирако и вернулся в бухту Исэ. Ловить здесь было запрещено, но рыбаки все-таки не гнушались порыбачить тайно.

Обычно ловили так: в ряд цепляли на лить крепкие крючки и прочесывали мор-